

ПОЛИЦЕЙСКИЙ УСТАЛ ОТ ЖИЗНИ

ИЗ ЯПОНСКОГО БЛОКНОТА

В. КАССИС

МАФИЯ

СЕРЖАНТ токийской полиции Масатака Ваки, 28 лет, был обнаружен сегодня сослуживцами в 1 час 15 минут пополудни в помещении полицейского участка района Адати лежащим в луже крови. Самоубийца оставил записку: «Я устал от жизни», — сообщала «Асахи ивнинг ньюс».

Масатака Ваки — один из 37 тысяч полицейских Японии, раз и навсегда потерявший веру в себя, утративший надежды на лучшую долю. Вся его сознательная жизнь напоминала бег с препятствиями...

Он лежал на полу, истекая кровью, больше не думая о том, что рано или поздно гангстеры из банд Ямагути или Инагава найдут способ расправиться с ним. Ведь он не раз принимал участие в ночных облавах на якудза, как называют в Японии гангстеров. Результаты? В картотеке полицейского управления Японии зафиксировано 124 тысячи якудза различных рангов. Они объединены в три тысячи банд. Ведущие среди них — Ямагути и Инагава. Первая безраздельно хозяйничает в 32 префектурах страны, включая такие города, как Осака, Киото, Кобе. Гангстерам из Инагавы принадлежит власть в остальных 14 префектурах восточной Японии, куда входят Токио и целый остров Хоккайдо. Начиная с февраля 1971 года полицейское управление провело две крупные операции по ликвидации «Семи сестер» — ведущих банд, в число которых входят Ямагути и Инагава. В результате арестовано около 40 тысяч

человек. Иными словами, на каждого полицейского пришелся один якудза. Казалось бы, дело обстоит не так уж плохо. «Однако, — сетует по поводу этой статистики «Асахи ивнинг ньюс», — рост числа преступлений в нашей стране не прекращается. В 1972 году их количество увеличилось на 20 процентов, по сравнению с 1971 годом».

А если оперировать абсолютными цифрами полицейского управления, то в 1972 году зарегистрировано 1100 тысяч уголовных преступлений, в том числе свыше двух тысяч убийств. Более половины всех задержанных преступников — молодые люди в возрасте от 15 до 26 лет.

— Наши якудза похлеще членов итальянской мафии. В страшном чреве гангстерских банд процветают порядки и законы невиданной жестокости. Они клянутся кровью и расплачиваются кровью. Тот, кого якудза зачислили в черные списки, может, не теряя времени, подыскивать для себя место на кладбище. — Этими мрачными мыслями незадолго до самоубийства сержант Масатака Ваки делился со своим близким другом Хирано...

ВСТРЕЧАЛИ ГАНГСТЕРА

Этот безоблачный летний день 11 июля 1973 года неожиданно оставил в моей памяти неизгладимый след. Японская столица в это время года уже начинает изнывать от жары, задыхается от окиси углерода, которую круглосуточно выплескивают в узкие жерла улиц

гигантского города-муравейника сотни тысяч машин. Призрачно проглядывает сквозь сизую пелену смога солнечный диск, похожий на огромную золотую монету с неровно оплавленными краями.

Удушливая атмосфера гонит людей за город, туда, где ценой утомительного переезда еще можно получить глоток другой чистого воздуха. Атами, Сидзуока, Ито, Хэда, Симода, Фудзидзия — вот немногие городишки под Токио, превращенные либо предприимчивыми дельцами, либо не менее ловкими служителями культа в места паломничества туристов-однодневников. Одни жмутся к берегу, другие ютятся у подножья легендарной горы Фудзи. Чтобы стать временным постояльцем богатого отеля или скромного, чисто японского по стилю рёкана, требуется известная расторопность: бронировать номер нужно месяца за два, а то и три до начала жаркого сезона.

Поскольку в Японии спрос всегда рождает предложение, за последние годы «курортная» зона под Токио расширилась за счет мало освоенного побережья префектуры Тиба. Почти на сотню километров протянулась широкая песчаная полоса пляжа. С востока ее омывают волны Тихого океана, а западной границей служат дюны, поросшие молодым сосняком. Сказать, что бедные рыбацкие деревни уже отступили под натиском коммерческой цивилизации в образе гостиничного бума, еще нельзя. На пляжах Кудзюкурихама, Кацуяма, Хота делаются первые робкие попытки по организации платных автомобильных стоянок; приезжающим

на день-другой горожанам местные жители сдают за умеренную плату комнатухи, сарайчики с пансионом или без него. Происходит интересный процесс: здешние рыбаки, испокон веков занимающиеся тяжелым морским промыслом, уже познали путь более легкого заработка, путь предпринимательства. Он подобно ржавчине начинает подтачивать, разъедать небогатые, малоприбыльные сбытовые рыбооловецкие кооперативы. И если недавно местные газеты писали о повальном бегстве рыбаков Тибы в поисках заработка в другие районы страны, то теперь они стараются извлекать прибыль не из таящего постоянную опасность моря, а из золотистого песка и ласкового солнца. Немаловажную роль в этих переменах сыграло строительство суперавтостраты, соединившей в прошлом году Токио со столицей префектуры — городом Тиба.

Мне захотелось поглубже вникнуть в этот процесс, разобраться в его социальных корнях, выяснить возможное влияние на будущее экономики префектуры.

Сразу спешу оговориться: поехал я за одним материалом, а нашел иной. Едва мы въехали в пригород Тибы, как внимание привлекло необычное количество полицейских фургонов. По их присутствию можно безошибочно предсказать готовящуюся манифестацию, стачку, митинг, демонстрацию. Грязный мышиный цвет, черные железные решетки на окнах, сирены. Машины оснащены самыми современными средствами для разгона любого уличного собрания, вмещают до трех десятков полицейских или такое же количество арестантов.

На перекрестке регулирующий жестом остановил нашу машину и учтиво предложил «переждать церемонию встречи». При этом он подобострастно взмахнул рукой в сторону старинного массивного здания с неприветливыми тяжелыми воротами.

В огромной толпе, запрудившей все подступы к фасаду дома, несмотря на дневное пекло, мелькали строгие фрачные пары, ультрамодные, в полоску пиджаки, черные бабочки, цветастые, шириной в две ладони галстуки с золотыми заколками и темные защитные очки. Будто все они сговорились в этот день скрыть от любопытных прохо-

жих свои глаза синими, зелеными, черными стеклами...

Толпа жила. Она дышала, двигалась, приглушенно разговаривала. И вдруг все смолкло. Колыхнувшись в последний раз, толпа расступилась и склонилась в глубоком поклоне, пропуская человека среднего роста, одетого в традиционный национальный костюм. Он шел степенно, сверля глазами пространство, мягко, по-кошачьи переставляя обутые в легкие сандалии ноги. По правую и левую руку его сопровождали крепко сбитые молодцы, судя по всему — телохранители. Эта картина по чисто внешним приметам напоминала сюжет из какой-то библейской легенды, связанной с явлением некоего святого мученика народу.

Установить личность этого «святого» не составило труда: Сигемаса Камода. Уроженец города Кобэ 44 лет, из них 13 он провел в тюремной камере префектуры Тиба. Камода долгое время возглавлял крупную банду, орудующую в Кобэ и его окрестностях. Эта банда входит в гангстерскую организацию Ямагути.

Возвратившись в Токио, я разыскал подшивки газет за 1960 год, в которых публиковались материалы судебного процесса по делу оябуна (главы банды) Камода.

Начало 60-х годов в Японии совпало с официальным возрождением ряда ультраправых организаций, запрещенных после разгрома японского милитаризма. Одновременно шел процесс формирования гангстерских банд и шаяк. На берегу тихой глубоководной бухты в курортном местечке Атами состоялся первый «съезд» оябунов гангстерских организаций и видных активистов крупнейших банд. Почетными гостями этого собрания были главы ультраправых, которые только числились гостями, а фактически являлись организаторами возрождаемого преступного мира. В стране создавались могущественные преступные синдикаты. Власть насилия, шантажа, убийств, грабежа покровительствовали ультраправые. Гангстеры платили им за это благорасположение двойной, тройной ценой. И когда оябун ненароком оказывался в наручниках, вожаки ультра непременно приходили ему на помощь. Зато уж если ультраправым нужна была подмога для расправы с силами демократии,

рабочими, прогрессивно мыслящими писателями, журналистами, художниками, оябуны бросали в бой отряды своих головорезов. Газета «Майнити» в опубликованной недавно статье «Японская Коза ностра» сетовала на то, что в стране по-прежнему существует связь между политиками, финансистами и гангстерскими бандами. Говоря о том, что положить конец свеху организованной преступности можно лишь путем наложения вето на использование гангстеров в политической игре толстосумов, газета приводит характерный пример из собственной печальной практики. Однажды в утреннем выпуске она поместила фотографию венка, присланного влиятельным деятелем правящей Либерально-демократической партии на панихиду по случаю смерти одного из известных оябунов. Гангстерский мир был возмущен «дерзостью» газеты. В тот же день молодчики учинили погром в редакционном помещении «Майнити», насыпали песок в подшипники ротационных машин, и типография вышла из строя.

Это историческое отступление имеет прямое отношение к освобождению из тюрьмы Тибы оябуна Сигемаса Камода. Он был выпущен по ходатайству все тех же покровителей преступного мира, а затем встречен со всеми почестями, так, как встречают настоящих героев. Тысячная толпа, цветы, улыбки, лимузины лучших иностранных марок, трогательные приветственные речи и, наконец, бесчисленные тосты. Банкет, который в его честь устроил сам оябун банды Ямагути К. Таока в своей резиденции в городе Кобэ, поразил своей роскошью.

Заискивающие взгляды из-под защитных очков, почести, поздравления оябун Камода принимал как должное. Окидывая взглядом своих сатрапов, он всем существом ощущал, что за истекшие 13 лет в преступном мире ничего не изменилось. Все осталось на привычных местах. Пожалуй, даже крепче, надежнее стала сословная пирамида банды, которую по-прежнему ему венчать, которой ему править. Единственное, что омрачало в тот вечер настроение оябуна, — это не прекратившаяся за годы его пребывания за решеткой борьба между отдельными бандами за сферы влияния. Участником этих территориальных конфликтов в памятном

1960 году оказался и он сам — оябун Камода, зарубивший самурайским мечом в Осаке одного своего соперника и тяжело ранивший другого...

ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

В Токио — Санья, в Осаке — Камэгасаки, в Кобэ — Таока — эти три названия людям посвященным говорят о многом. С ними связана в Японии если не вся, то основная часть подпольного гангстерского царства.

В пятый, а может быть, в двадцатый раз я проезжаю по вдавленной в каменное месиво разноразмерных построек улице и вдруг ловлю себя на мысли, что обычно я вижу ее днем или утром. А что здесь происходит по вечерам? Как улица выглядит при свете фонарей? Впрочем, она, оказывается, и не освещается. Сомнительно, чтобы эти убогие жилища под дырявыми навесами имели коммунальные удобства — водопровод, канализацию.

В этом районе таких улиц наберется добрый десяток. У них нет названий. Их называют скопом: Санья. Живет на этих задворках столицы около девяти тысяч человек. Особенно несладко приходится населению Санья в зимнюю пору. Строительные рабочие почти не нужны; поденно наняться в компанию тоже не всегда удается. Вот и жди, пока подфартит...

История района Санья — это го города в городе — еще не написана. О нем даже не упоминается в путеводителях по Токио, издаваемых для туристов. Для чего заезжему иностранцу знать изнанку столицы? Пусть уж он лучше довольствуется экзотикой синтоистских или буддийских храмов, карабкается на самый верхний этаж Токио-Тауэр или изучает сложный ритуал чайной церемонии. И тем не менее история Санья пишется каждый день самими обитателями доходных домов, ночлежек, владельцами незаконных бирж труда, разного рода злачных заведений, которые открываются под покровом темноты.

Если преступление совершено в Санья — это никого не удивляет. Если пьяный дебош разразился в Санья — полицейский отмахнется от этой информации. Полторы сотни вербовщиков цепко держат в руках эту полудеклассированную ночлежку. Они подбирают здесь бригады

чернорабочих за мизерную оплату, неслыханно наживаясь на каждом из них. Обитателей Санья это тоже устраивает: заниматься на работу через городскую биржу труда дело хлопотное. Необходимо заполнять анкеты с указанием места жительства, составлять контракты, обивать пороги чиновников-бюрократов, наконец, просто ждать своей очереди. Ждать неизвестно сколько. Вербовщик-якудза не требует соблюдения формальностей. Ему нужны надежные руки, повиновение и молчаливое согласие на ту оплату труда, которую он предлагает. Остальные «хлопоты» он берет на себя.

Правда, сам характер работы бывает разным: когда рытье котлована, а когда и соучастие в ограблении банка, богатой виллы, ювелирной лавки. Словом, грабеж оптом и в розницу.

Сопровождавший меня по своей доброй воле полицейский участка Санья заметил: «Неуютно здесь. Особенно это ощущаешь на рождественские праздники. Там, на «большой земле» наряженные елки, толпы гуляющих в парках, море рекламных огней, веселье. А у нас — мрак и холод. Неуютно...»

Я уже сел в машину, собираясь уехать из этого действительно самого неуютного из уголков Токио, когда полицейский, наклонившись ко мне, полупрошептом сказал: «Если будете писать о нашем районе, не забудьте рассказать о том, что в Санья обитают и честные рабочие. Они в этом году впервые в истории приняли участие в весеннем наступлении японских трудящихся. Они вступили на путь борьбы за свои права. Их пытаются очернить, «пришить» участникам манифестаций уголовное дело. Сфабриковать такое обвинение легко, сами понимаете. О Санья и его жителях идет самая недобрая молва. Такая предвзятость на руку тем же оябунам, которые хотели бы подмять под себя всех жителей Санья, превратить их от мала до велика в резервную армию якудза».

БРИЛЛИАНТОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Оябуны и якудза — патриции и плебеи. В крупнейшей гангстерской банде Японии Ямагути числится более 11 тысяч гангстеров-плебеев, рядовых якудза.

Они выполняют самую грязную работу. Первый среди «патрициев» банды Ямагути, а стало быть, и самый главный оябун, некто по имени Таока. Он никогда не спускается со своего пьедестала. Он выше других, умнее, могущественнее. Он — недоступный из недоступных. Официально Таока — владелец солидной погрузочно-разгрузочной портальной фирмы. Длительное время он подвизался еще и на арене «общественной» деятельности, будучи вице-президентом ассоциации спортивной борьбы. Его штаб-квартира в Кобэ напоминает дворец индийского махараджи. В его залах собраны уникальные коллекции картин, спортивных кубков, старинных самурайских мечей. Хозяин особняка считается примерным налогоплательщиком. Принадлежащие ему (официально) фирмы и компании уважительно относятся к налоговому управлению, стараются не вызывать огонь на себя. Бизнесмен Таока — миллионер. Оябун Таока — миллионер в кубе. Он торгует наркотиками, женщинами легкого поведения (хотя проституция в Японии запрещена), держит игорные заведения, ночные кабаре. Недавно газета «Иомиури» выступила с перепроверкой статьей, посвященной незаконной преступной деятельности гангстерских шайк. Оябуны и якудза, взывала газета, обязаны платить налоги «со всех видов заработка». Газета, безусловно, выступала от имени и по поручению налогового управления, которое беспокоит не бандитизм, наркомания и другие пороки, которые несет обществу гангстерский мир, а «сокрытие доходов» от этих преступлений! Оригинальный подход к проблеме, не правда ли?

И все же эта передовая, основанная на фактах из полицейского досье, любопытна своими внушительными цифровыми данными, которые стоит привести. «Иомиури» пишет: подпольные торговцы различными «стимулирующими» средствами за один финансовый год заработали два с половиной миллиарда иен. Прибыли сутенеров — 200 миллионов иен; дельцов на скачках, владельцы прочих зрелищных азартных заведений положили в свои карманы 400 миллионов иен; торговцы порнографическими открытками и кинофильмами — 160 миллионов иен. Простым шантажом якудза заполучили в свои руки за тот

же период 467 миллионов иен. «И это лишь надводная часть гангстерского айсберга, — пишет газета. — Сумма, осевшая в сейфах гангстеров, раз в десять превышает названную».

...Она сошла с трапа самолета с видом привыкшего к частым перелетам путешественника. Международный аэропорт японской столицы Ханэда бурлил от наплыва пассажиров. Благополучно миновав паспортный контроль, она легко затерялась в этой шумной толпе и сделала попытку проскользнуть через таможенную службу. Она не была обременена багажом, на что и делался весь расчет. Но ее все же остановили, попросив открыть потрепанную дамскую сумочку, болтавшуюся на длинном ремешке, перекинутом через плечо. Там, завернутые в кусок газеты, лежали бриллианты. Мадам Чэн в тот вечер прилетела в Токио самолетом японской авиакомпании «Джал» из Гонконга.

Ее могли именем закона арестовать на месте преступления: провоз через границу необъявленных ценностей на крупную сумму. Но... таможенник сделал вид, что ничего не произошло, и разрешил пассажирке выйти в город. Из благодарности мадам Чэн поспешно сунула ему в руку несколько драгоценных камней. И он их взял, застенчиво отведя в сторону глаза. Через несколько минут лимузин, поджидавший мадам Чэн, уже мчал ее к заранее обусловленному месту встречи с оябуном. Но, как вы, очевидно, успели догадаться, мадам из Гонконга встретила в тот вечер не с оябуном, а с комиссаром полиции. Эксперимент в таможне был разыгран искусно. Он позволил арестовать не только мадам Чэн, но и ее токийских сообщников по контрабанде наркотиками и алмазами, которых она привезла в тот вечер на 80 миллионов иен.

Мне очень хотелось в этих заметках назвать имена токийских полицейских, таможенников, которые столь блестяще разыграли этот «бриллиантовый спектакль», но они просили оставить их безымянными. И я невольно подумал: как хорошо, что есть еще в Японии люди, которые не «устали» от своей нелегкой жизни, как это случилось с сержантом Масатака Ваки, что у них есть еще силы вести борьбу с темным и опасным миром оябунов и якудза.

Табло, отмечающее степень загрязнения воздуха, на одной из площадей Токио.

Фото Н. Тебина (ТАСС)

В Японии более 21 тысячи человек стали жертвами отравления атмосферы и воды. Под давлением общественности суд обязал химическую компанию «Тиссо» выплатить компенсацию жителям города Минамата, пострадавшим от ртутных соединений, сбрасываемых заводами этой компании в залив.

На снимке: Японцы с одобрением встречают решение суда.

Фото Джапан пресс — ТАСС

